

Для артистов сейчас благоприятное время

Актриса Алена БАБЕНКО, героиня "Водителя для Веры" Павла Чухрая, — одно из открытий российского кино последнего времени. В минувшую пятницу она стала обладательницей "Ники" в номинации "Открытие года". Выдвигалась на эту кинематографическую премию и как исполнительница лучшей женской роли.

— "Водителя для Веры" я смотрел впервые, находясь проездом в Брянске. Где его впервые увидели вы, Алена?

— На "Кинотавре". Конечно, такая возможность была и раньше, но хотелось оказаться в зале вместе со зрителями, к тому же там публика была непростая, искушенная. Хотелось понять, как отнесутся к тому, на что было потрачено столько сил, времени, как отнесутся к картине, которую так люблю. Тогда показалось, что зрители действительно находились вместе с нами каждую секунду экранного времени.

— "Водитель для Веры" принес вам успех, награды, популярность. Ощущаете теперь свою звездность?

— Разве что чаще приходится давать интервью, но на самом деле я даже в мыслях не могу представить себя звездой. Один фильм с удачной, запомнившейся работой не дает повода причислять себя к светилам.

— До этой картины вы снялись в нескольких фильмах и сериалах, которые не сильно запомнились. И вдруг эта роль, как счастливый билет. Как вытягиваются такие билеты?

— Как? На "Водителе..." был большой кастинг, пробовали на роль много актрис, героиню, как узнала потом, искали долго, чуть ли не полгода. Потом осталось всего несколько претенденток, и на последнюю пробу я пришла с температурой 38, большая абсолютно, с насморком, кашлем. Из-за этого очень стеснялась, и Павел Чухрай постоянно говорил: "Почему артистка все время опускает глаза? Алена, смотри прямо!" И тем не менее неожиданно для себя прошла кастинг, такой вот подарок.

— Говорят, первое впечатление — самое верное. Что почувствовали, когда прочитали сценарий?

— Жалость к этой девочке. И испуг: ну как ее играть? Этого не представляла. Вера казалась совсем не похожей на меня. Но так тронула она сама, вся эта история. А тут еще и физический недуг героини, тоже получалось непонятно, как с этой хромой быть? Так что все перемешалось — опасения, испуг, азарт.

— Наверное, легко понять, откуда в вашей героине при всей ее привлекательности еще и склонность к точности, к анализу. Ведь до поступления во ВГИК вы окончили Томский университет, учились на программиста. Можете при всем том называть себя романтической?

— И романтической, и мечтательной. А тогда пошла в кибернетику, потому что наука была новой, перспективной. Папа у меня инженер, говорил,

А. Бабенко

что программирование — это будущее, а математика у меня всегда шла легко, экзамены в университет сдавала по принятию тогда эксперименту: две пятерки — и зачислена. К тому же университет был недалеко от дома.

— Учиться было интересно?

— Честно говоря, помню это уже не очень хорошо. С первого курса пошла какие-то драмкружки, меня это всегда привлекало — песни, танцы, сцена, мы вечно куда-то ездили, первое студенчество оказалось легким, беззаботным.

— С хвостами?

— Бывало. Особенно тяжело давалась политэкономия. Как сейчас помню: экзамен сдавала друзьям моей тетки, у них дома, но все равно не могла ответить на самые элементарные вопросы, какой-то иностранный язык... Так что намучилась. Но вообще педагоги у нас были творческие. Профессор Феликс Петрович Тарасенко много путешествовал и все свои лекции читал, связывая их с разными историями, про то, где был, что видел, так что мы слушали его открыв рты. И только в конце — паратройка формул, которые уже сами собой как-то запоминались, не надо было ходить, зубрить.

— Во ВГИК, к Анатолию Ромашину, получается, вы поступали вовсе не наивной барышней, что-то про жизнь уже знали?

— Тогда понимала, что это мой последний шанс стать актрисой, чего всегда хотелось, но не было уверенности в себе. И в этом состояла сложность: вроде требовалось во второй раз войти в одну и ту же реку.

Была же теперь взрослой, на жизнь смотрела не так, как те 18-летние, в кругу которых оказалась. А они были молоды, активны, стремительны, талантливы, так что я просто растерялась, снова надо было что-то предостерегать. Меня же поначалу взяли вольнослушателем. Через полгода пришло время доказать, что чего-то стою.

— На каждом курсе всегда есть те, кто неспасно считается лидером, звездой...

— Это не про меня, мне действительно никогда ничего сразу не давалось, надо было себя ломать, становиться открытой, а это не так просто, когда позади уже есть какой-то жизненный путь. Ты чувствуешь свои возможности, ты хочешь сделать, но еще не знаешь как, словом, сплошные были преодоления, и единственное, что сказала себе тогда: по этому пути пойду до конца, получится, значит, будет победа над самой собой, не получится — значит, все зря, и не надо было сюда приходить.

— Дебютировали вы, кажется, в первой "Каменской"?

— Да, Юрий Мороз начинал ее тогда, и я снялась в эпизоде в одной из серий. С кино у меня сразу сложились отношения. Еще во ВГИКе сыграла у Наташи Погониной в студенческом фильме "Как я провела лето". Эта картина много каталась по разным фестивалям. Вот почему мне было легче, чем другим. И училась я с режиссерами, с которыми все время что-то делали. Поэтому камера для меня не была новостью, знала, как вести себя перед ней. Так что перешагнуть в большое ки-

но было достаточно просто.

— После "Каменской" последовали предложения в другие сериалы, и тоже на эпизоды. Отсутствие больших ролей не расстраивало?

— Даже думать так неверно. На самом деле для артистов сейчас очень благоприятное время. Есть возможность постоянно проявляться даже на кастингах, которые как тренировки, как репетиция, ведь хорошо даже то, что тебя приглашают. У меня все начиналось с маленького опыта, не отказывалась ни от чего. Конечно, были сомнения, мысли, что может не получиться, но я приказала себе идти ровно столько, сколько будет откровенно заниматься этой профессией. Когда любишь и мечтаешь — глупо отказываться.

— Ваша роль в "Водителе для Веры" — про женскую судьбу, к тому же трудную, как принято говорить, — физический недуг, будущий ребенок, появления которого ждешь без радости. Про что в этой ситуации было важнее всего сказать вам, женщине, все остальное потом ведь было делом актрисы.

— Наверное, самое важное в таких людях, что при всем том они стараются устоять, жить. Вера молода. Ей всего 24. Все у нее при папе-генерале вроде есть, но росла без мамы, хромая, мужчины толком нет, теперь еще и с будущим ребенком надо что-то решать. Одним словом, полный набор, хоть стреляйся. Наверное, случись со мною такая отчаянная ситуация, не знаю, что бы выбрала, точно бы выбросилась из окна... Так что самым интересным было понять, откуда берутся силы. В картине есть переломный момент, когда Вера подходит к обрыву и, кажется, вот-вот прыгнет. Помню, снимали его, когда было ноль градусов, я стояла в тонком платочке и вдруг подумала, что человек перед своим последним шагом может испытывать абсолютное счастье. Парадоксальное ощущение. В эту секунду мне было так хорошо, словно сейчас по-настоящему ощутила жизнь. И тут поняла, что даже не появившись в этот момент человек, протянувший руку, все равно нашлись бы силы вернуться к жизни.

— Мужчины этого фильма, ваши партнеры — отдельный вопрос.

— Однажды назвала Игоря Петренко партнером, а он усмехнулся. И я сразу осеклась, с тех пор замечательных моих товарищей по этой картине называть партнерами не могу. Они такие разные по-человечески, но просто поразили своею нежностью, деликатностью. Богдану Сильвестровичу Ступке пришлось давать мне пощечину в одной из сцен раз 20. Конечно, что тут говорить о его профессионализме, потом щека и не болела, но Богдан Сильвестрович извиняющимся голосом спрашивал: "Доча моя, ты какое больше любишь — беленькое или красненькое?" Ответила, что беленькое, и он вечером, стесняясь, как мальчишка, постучался ко мне в номер с белым вином, потому что ему меня было искренне жалко. Он тогда на площадке говорил: терпи, доченька, терпи. Мы с ним с самого начала нашли общий язык. Когда нас познакомили на "Мосфильме", то сказали: "Вот твой папа", и я тут же произнесла: "Папа, привет". А он сказал: "Привет, доча."

— Папа и дочка — тут понятно, а

как с сержантом, которому предназначалось взять на себя грех генеральской дочки...

— На самом деле все гораздо сложнее того, что обозначил сценарий. Не думаю, что Вера сама об этом думала, она столкнулась с таким наворотом событий, что каким-то обстоятельствам просто не придавала значения. Виктор протянул руку поддержки и этим спас. Конечно, были минуты отчаяния, когда уже никто не нужен, когда всех от себя гонишь, понимая, что вокруг одно вранье.

— На самом деле у Веры был выбор — или удержаться, или пойти вразнос...

— Как и любая женщина, она мечтала о нормальной жизни, нормальном человеке рядом, и Виктор стал последним шансом. А иначе как? К тому же Вера, хоть отец и занимал высокое положение, видела-то его мало, потому и росла дичком, Маугли таким, волчонком. Подруг раз-два и обчелся, делиться сокровенным никогда в жизни ни с кем не будет, не то чтобы просить о чем-то. А тут встретился человек, похожий по судьбе. И пожалел, а жалость в русской традиции сродни любви. Чего у Веры никогда не было.

— Что вы знали о начале 60-х, времени действия фильма?

— Для меня оно — время молодости моих родителей. Когда вошла в дом, построенный нашим замечательным художником-постановщиком Ольгой Кравченко, даже не надо было к нему привыкать, появилось ощущение, что это мое — пластинки, которые были у нас дома, портрет Хемингуэя, который тоже у нас висел. В те годы, мне кажется, почти во всех домах висел один и тот же портрет Хемингуэя. Или плюшевые игрушки тех лет, я же с ними тоже росла, не с нынешними западными, а с нашими, обыкновенными.

— Как приходили в себя после этой работы?

— Помню, когда был последний съемочный день, мы с Игорем Петренко ехали в машине со съемок, и он сказал: "Знаешь, у меня два года было такое ощущение, что каждый день сдавали премьерный спектакль". Мы действительно снимали два года, были перерывы, три экспедиции, и нужно было стараться поддерживать все в себе, не забывать. У меня еще не было большого опыта, и я благодарна Павлу Григорьевичу Чухраю, умеющему держать группу в ощущении того, что все движется в одном направлении. Но уж потом, когда все закончилось, целый месяц ничем не хотелось заниматься.

— Конечно, сразу пошли звонки, предложения?

— Предложения есть всегда. Снялась в двух сериалах. У Юрия Мороза в 6-серийной истории "Дети Ванюхина" и в 16 сериях "Лебединого рая" у Александра Митты. Надеюсь, будут еще интересные истории, роли, но лишь бы только сниматься — это не для меня. Пусть роль будет маленькой, но чтобы интересная. А вообще очень не хватает театра. Пока играю только у Андрея Соколова в антрепризном спектакле "Койка", надеюсь и на новые проекты.

Беседу вел
Николай ХРУСТАЛЕВ

Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ